

“Descendants of the Executioners” in the Space of Memory about the Era of Political Repressions (on the example of the Project “The Investigation of Karagodin”)

Yulia V. Zevako

Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Institute of History and Archaeology.
Yekaterinburg, Russia. Email: [milirita\[at\]rambler.ru](mailto:milirita[at]rambler.ru)

Abstract

This article is devoted to the problem of the place of “descendants of the executioners” in the space of memory of the era of political repression. The article discusses questions about the attitude of the “moral community” that has developed around the victims of repression and their descendants towards the “descendants of the executioners” – on the example of the analysis of the case with D. Karagodin’s project “The Investigation of KARAGODIN”. The study shows that the specified moral community, using the mechanism of dehumanization in relation to the “executioners” (as a mechanism for constructing the image of the enemy), tends to transfer these characteristics to their descendants – despite the fact that, for the most part, the “descendants of the executioners” are “honest descendants”, since they practically do not know / did not know anything about the professional activity and specific actions of their ancestors. Differences were also revealed, causing tension between the acceptable and unacceptable reactions prescribed by the moral community to kinship with the “executioners” and the variety of real experiences of the “descendants of the executioners”. The article analyzes the semantic aspects of the concept of “descendants of executioners”. The author of the article shows that these semantic aspects are often built on different grounds and can intersect, giving rise to internal conflicts including those of ethical nature. The article concludes that the “descendants of the executioners” (“honest descendants”) today are actually not represented in the space of memory of the era of political repression. In the context of increasing government influence to the memory of the era of political repression, and, as a result, of increased tension between the state and the moral community, representatives of this community are not always ready to perceive the voices of the “descendants of the executioners”, who are often associated with modern representatives of the state, alongside with the voices of “descendants of the victims”. All these circumstances significantly complicate the formation of “symmetrical memory” as a condition for successful processing of the difficult past.

Keywords

Memory; Trauma; Repression; Victims; Executioners; Descendants of the Victims; Descendants of the Executioners; Moral Community; Memory Studies; Discourse of Memory

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Потомки палачей» в пространстве памяти об эпохе политических репрессий (на примере проекта «Расследование Карагодина»)

Зевако Юлия Валерьевна

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.
Екатеринбург, Россия. Email: milirita[at]rambler.ru

Аннотация

В данной статье ставится проблема о месте «потомков палачей» в пространстве памяти об эпохе политических репрессий. В статье обсуждаются вопросы об отношении морального сообщества, сложившегося вокруг жертв репрессий и их потомков, к «потомкам палачей» – на примере анализа кейса с проектом Д. Карагодина «Расследование КАРАГОДИНА». В ходе исследования было обнаружено, что указанное моральное сообщество, прибегая к механизму дегуманизации в отношении «палачей» (как механизму конструирования образа врага), склонно переносить данные характеристики и на их потомков – несмотря на то, что, в большинстве своём, «потомки палачей» являются «честными потомками», поскольку ничего о профессиональной деятельности и конкретных действиях своих предков практически не знают/не знали. Также были выявлены вызывающие напряжённость различия между предписываемыми моральным сообществом приемлемыми и неприемлемыми реакциями на родство с «палачами» и многообразием реальных переживаний «потомков палачей». В статье проведён анализ смысловых аспектов понятия «потомки палачей». Показано, что данные смысловые аспекты часто выстроены по разным основаниям и могут пересекаться, порождая внутренние конфликты, в том числе этического характера. В статье делается вывод о том, что «потомки палачей» («честные потомки») сегодня фактически не представлены в пространстве памяти об эпохе политических репрессий. В условиях усиления огосударствления памяти об эпохе политических репрессий, и, как следствие усиления напряжённости между государством и рассматриваемым моральным сообществом, представители данного сообщества не всегда готовы воспринять голоса «потомков палачей», которых часто ассоциируют с современными представителями государства, наравне с голосами «потомков жертв». Всё это значительно препятствует формированию «симметричной памяти» как условия успешной проработки трудного прошлого.

Ключевые слова

память; травма; репрессии; жертвы; палачи; потомки жертв; потомки палачей; моральное сообщество; memory studies; дискурс памяти

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Тема «потомков палачей», не раз поднимавшаяся за последние пять лет в различных СМИ, достаточно болезненная и важная для общества, до сих пор не становилась предметом глубокого научного исследования и обсуждения внутри России.

Вопросы, сформулированные авторами публикаций, их читателями и героями, требуют научного осмысления: Кого сегодня считают «потомками палачей»? Как обществу предлагают / общество предлагает относиться к «потомкам палачей»? Как чувствуют себя сами «потомки палачей»? Что «потомки палачей» могут / должны чувствовать / чувствуют по отношению к своим предкам? Какие отношения складываются / должны складываться между «потомками жертв» и «потомками палачей»? Почему нужно или не нужно «всё забыть и перевернуть страницу»?

Практически повсеместное перемещение дискуссий в интернет-пространство и их функционирование по законам виртуальной интернет-коммуникации дополняет исследовательскую задачу такими вопросами: какие эмоции в отношении «потомков палачей» формируются и продуцируются в интернет-обсуждениях и как это мешает / помогает в обсуждении темы? Можно ли интернет-дискуссии (комментарии) считать достоверным источником для анализа темы «потомков палачей» в дискурсе памяти об эпохе политических репрессий?

В данной статье я попытаюсь отчасти приблизиться к ответам на поставленные вопросы, проанализировав кейс с проектом «Расследование КАРАГОДИНА».

Моральное сообщество, «потомки палачей» и проект «Расследование КАРАГОДИНА»: теоретическая часть

Проект «Расследование КАРАГОДИНА»

О проекте Д. Карагодина, посвящённом изучению обстоятельств и участников расстрела конкретного человека – прадеда Дениса – Степана Карагодина – в рамках массовых политических репрессий 1937-1938 гг. на основании архивных документов, полученных в результате запросов и официальной переписки с архивами и различными ведомствами, широкой общественности стало известно весной 2016 г. (Волчек, 2016; Курилла, 2016). В ряде интервью (Волчек, 2016; Герасименко, 2021) Денис рассказал о целях, задачах и сути своего проекта, который можно обозначить так: «минимум эмоций, максимум фактов» («наша цель – юридическая фиксация факта убийства» (Герасименко, 2021), а «гуманитарный след» уже потом (Горин, 2021). Тем не менее, именно его проект спровоцировал обсуждение вопроса об ответственности потомков за их предков-сотрудников НКВД, вопрос покаяния и (не)прощения. Структура

и характер публикаций на сайте <https://karagodin.org/> («Расследование КАРАГОДИНА», 2012-2022), а затем в социальных сетях (например, тематической группе в «Denis Karagodin» (публикации группы) в социальной сети Facebook¹), в которых сотрудники НКВД и все, так или иначе причастные к делу его прадеда, бескомпромиссно обозначаются Д. Карагодиным как «преступники», «палачи» и «убийцы», сами по себе задают, формируют и организуют обвинительную интонацию и высокий эмоциональный градус обсуждения.

«Непреклонная память»

В ноябре 2016 г. на сайте «Радио Свобода»² вышла статья под названием «Найти палачей, простить потомков» (Пономарёва, 2016), посвящённая отклику в социальных сетях на расследование Д. Карагодина. Само по себе название, схватывая общее настроение аудитории, ставит вопрос о вине и ответственности не только палачей, но и их потомков. Годом ранее А. Буллер и А. А. Линченко опубликовали статью, посвящённую проблеме исторического непростения и непреклонной памяти (Буллер & Линченко, 2015, с. 50-59). Анализируя немецкий опыт и конкретно взгляды В. Янкелевича, они отмечают, что

«позиция непростения исходит ...из принципа “конкретности вины”: вина существует тогда и до тех пор, пока она с кем-то идентифицируется, пока за ней стоят конкретные виновники. ...Проблема, однако, в том, что зачинатели и виновники преступлений неизбежно умирают, а вина остаётся и “историзируется”. Виновники ...становятся “историческими фигурами”, но фигурами недостижимыми». Выходом становится идея «принудительно-коллективной идентификации вины», то есть осуждение не только самих преступников, «но и их потомков», отождествление прошлого и настоящего, палачей и «потомков палачей» (с. 54).

Две полярные модели разговора о «потомках палачей»

Важным вехами в развитии дискурса о «потомках палачей» стали два события: 1) осенью 2016 г. Д. Карагодину написала письмо, наполненное внутренними переживаниями, осмыслением внезапно открывшегося такого родства и покаянием, внука одного из сотрудников НКВД, причастных к расстрелу прадеда Д. Карагодина – Юлия Зырянова (Акт..., 2016); 2) весной 2021 сын другого сотрудника НКВД, причастного к делу прадеда Д. Карагодина, – Сергей Матюшов – подал заявление в полицию, обвиняя самого Д. Карагодина в дискредитации имени своего отца («Они перешли...», 2021; Рыжкина, Лютова, 2021; Сын сотрудника..., 2021). Фактически «Расследование КАРАГОДИНА» проявило две возможные (в некотором смысле крайние) модели разговора «потомков жертв» и «потомков палачей»: либо разрыв и покаяние (Ю. Зырянова), либо защита и преемственность (С. Матюшов), которые усугубили поляризацию позиций и язык вражды / ненависти к «потомкам палачей»,

1 Социальная сеть, признанная в России принадлежащей экстремистской организации

2 СМИ, признанное в России иностранным агентом

риторику их «осуждения и морального исключения» (Лушников, 2018), риторику «непреклонной памяти» (Буллер & Линченко, 2015).

При этом из дискурса о «потомках палачей» фактически исключены сами потомки.¹ Крайние модели – покаяния и тогда разрыва, или защиты и тогда преемства – не отражают и не учитывают всего многообразия возможных нюансов, но исключают их публичное проговаривание, затрудняя тем самым достижение «симметрии памяти», необходимой для проработки травмы репрессивного советского прошлого (Ассман, 2014, с.73-74). Наоборот, вместо примирения интернет-дискуссии демонстрируют риторику вражды.

Дискурс вражды и «демоническая дегуманизация»

К.К. Фурсов отмечает, что часто разворачивание дискурса вражды сопровождается конструированием врага на негуманистической основе – он становится объектом неуважения или ненависти из-за несоответствия определённым характеристикам или параметрам; более того, «на персональную идентичность накладываются групповые признаки. Вследствие этого человек, отражающий групповую идентичность, несёт на себе негативные стереотипы, имеет отрицательные черты» (см. идею «принудительно-коллективной идентификации вины» В. Янкелевича). Этот процесс, «при котором образ человека приближается к биологической, животной сущности», К.К. Фурсов называет дегуманизацией (Фурсов, 2015, с. 25-30).

Д.А. Лушников, анализируя исследования зарубежных и отечественных учёных, дополняет и уточняет характеристики данного явления: дегуманизация предполагает «“нечеловечность” противника в формируемом образе врага, наделение его inferнальными, хтоническими чертами» (Лушников, 2018, с. 117), «зооморфизацию и деперсонификацию» (с. 120). Далее он отмечает, что по масштабу воздействия можно выделить макроуровень (действия, направленные против других стран, больших социальных групп и отдельных меньшинств),

мезоуровень (действия одних институтов, групп и общностей внутри одного общества относительно других), уровень инфрагуманизации на уровне институтов, социальных организаций, больших социальных общностей и групп и инфрагуманизацию на уровне малых групп (дифференциация ингруппа – аутгруппа), а также дегуманизация как когнитивный внутриличностный процесс (с. 120).

Наличие среди «нечеловеческих» образов «инфернальных и злонамеренных существ Нижнего мира» (с. 121) позволяет выделить «демонизацию» как одно из направлений дегуманизации. Ссылаясь на зарубежных исследователей, Д.А. Лушников подчёркивает, что «при процессе демонизации происходит моральное исключение оппонентов, формируется “особый моральный

1 Голоса «потомков палачей» мы чаще всего слышим через посредников, в третьем лице: они становятся поводом для собственного высказывания каждого участника современного дискурса памяти о политических репрессиях, за которым становится не столь важным наличие этих людей в реальности, их «видимость».

мандат», основанный на практиках осуждения» и предлагает использовать при анализе подобных случаев термин «демоническая дегуманизация» (с. 121), дополняя устоявшиеся термины «анималистическая и механистическая дегуманизация» (с. 120).

Развитие интернет-технологий создаёт возможности для широкого распространения и применения практик осуждения и морального исключения. Особенно заметными они становятся в социальных сетях, коммуникация в которых предполагает «возможность вариаций в количестве и открытости участников общения, гипертекстуальность, синхронность / асинхронность, мультимедийность, интерактивность» (Горошко, 2012). Образуя сообщества по интересам вокруг «дискурсивного события» (Вежновец, 2016) «особого рода»¹, комментаторы формируют (временные) моральные и эмоциональные сообщества.

«Моральное сообщество», «эмоциональное сообщество»

«Моральное сообщество», согласно А. Ассман, представляет собой «третью инстанцию наряду с жертвами и преступниками, состоящую из непричастных третьих лиц, чтобы услышать свидетельство ...свидетелей и придать им статус жертвы». При этом, подчёркивает А. Ассман,

«"жертва" – это не естественная категория, она возникает только как социальный конструкт, формируемый моральным сообществом в публичном пространстве. Моральное сообщество, дистанцируясь на основе социально-гражданских ценностей от виктимизирующего насилия, охватывает в пределе все человечество, поскольку базируется на универсальных ценностях человеческого достоинства и уважения к физической неприкосновенности человека». «Моральное сообщество... само по себе не имеет конкретного облика и не является институцией... [оно возникает] единственно в результате апелляции к нему» (Ассман, 2014, с. 93–95).

Термин «эмоциональное сообщество» можно применить в данном исследовании, исходя также из теории эмотивов У. Редди, который говорит о том, что «эмоциональные высказывания обладают и свойствами констатива, так как описывают мир, и свойствами перформатива, так как в то же время его изменяют». У. Редди приводит примеры: «"мне грустно" – это отчасти описание состояния, отчасти же интенсификация одного из нескольких чувств» (за счёт других чувств); «в повседневной жизни многие знакомы с идеей, что улыбка

1 А. Буллер и А.А. Линченко, говоря об «особых» событиях, дают им следующее описание: это такие события, когда «память вынуждает настоящее "сохранять" для себя определённое прошлое... такое прошлое, которое не имеет права быть забытым, которое ни при каких условиях не должно оказаться в забвении. Таким особым может быть только то прошлое, которое связано с событиями особого характера как в коллективной, так и в индивидуальной истории. В личной биографии человека на фоне повседневности особо выделяются события рождения или смерти близких людей, которые, как правило, связаны с сильными – позитивными или негативными – переживаниями, навсегда остающимися в памяти и даже спустя годы вызывающими чувства грусти или радости. В коллективной истории такие события могут иметь "героический" или "трагический" характер, на века сохраняясь в национальной памяти» (Буллер & Линченко, 2015, с. 53).

пробуждает в самом улыбающемся человеке положительные эмоции» (Плампер, 2018, с. 409), аналогично и с другими эмоциями, в т.ч. негативными, о которых идёт речь в данном исследовании. М. Шеер, разрабатывая теорию «эмоциональных практик», подчёркивает, что цель этих практик состоит в том, чтобы «вызвать чувства там, где их нет, либо сфокусировать диффузное возбуждение и придать ему понятную форму, либо уже возникшие эмоции изменить или устранить» (с. 433). Для этого используются мобилизующие, именующие, сообщающие и регулирующие эмоциональные практики, которые способны породить значения, создавать желаемые эмоции, делать и контролировать их (с. 433-437) внутри соответствующего эмоционального и морального сообщества, применяя наказание за их нарушение в виде «морального осуждения и исключения». Фактически, «микросообщества одного поста» оказываются минипроекциями больших моральных и эмоциональных сообществ, складывающихся вокруг обсуждения сложных и конфликтных тем.

Если моральное сообщество складывается в ответ на апелляцию к нему жертв и свидетелей событий «особого рода», то с естественным уходом и жертв, и свидетелей возникает проблема воспроизводства этого сообщества дополнительными методами. Так, В. Дорман, говоря об особенностях работы с памятью о травматических событиях и, в частности, с памятью об эпохе политических репрессий, отмечает, что «память о советских репрессиях ... необходимо не столько хранить и оберегать, сколько провоцировать, организовывать и собственно формировать» (Дорман, 2010, с. 231) – уже новыми средствами – медиа и интернет коммуникации, и новыми силами – потомками и для потомков.

«Микросообщество одного поста»

В силу особенностей интернет-коммуникации – темпоральной недолговечности (дискуссии «живут» относительно короткое время), мозаичности обсуждений (отдельный пост формирует отдельное микросообщество, реально существующее только относительно конкретного дискурсивного события), жанровое закрепощение (интернет-комментарий требует быстрой реакции и ответа, чем приближается к ситуации устной речи и актуализации тех когнитивных схем, которые укоренены опытом индивида), эффекта «ускорения» времени (эмоциональная реакция индивида на дискурсивное событие может быть достаточно мощной, но не долговременной) (Вежновец, 2016) – комментаторы могут не осмысливать себя как такое (микро)сообщество – моральное и эмоциональное, существующее в реальности.

Тем не менее, если учесть, что комментарий – это «небольшое речевое произведение оценочного характера» (Попова, 2021, с. 33), «высказывание пользователя относительно того, как то или иное дискурсивное событие встраивается или, наоборот не встраивается в его жизненный мир» (Вежновец, 2016), можно предположить, что в комментарии человек будет выражать не только сконструированные адресантом представления о предмете обсуждения, но и

какие-то собственные суждения, сложившиеся до столкновения с дискурсивным событием.

Информационный (желание получить больше информации), личностный (желание получить общественное одобрение своего личного мнения или сравнить его с общественным) и социальный (желание ознакомиться с перспективами или взглядами, озвученными сообществом, понять настоящие чувства людей по поводу темы статьи, оценить политический отклик и повестку дня, быть в курсе общественной жизни) мотивы (Попова, 2021, с. 39) побуждают человека как бы синхронизировать свои представления с представлениями других участников обсуждения. Как отмечает Ю.И. Прудникова, «чем больше понятий совпадает у собеседников, оставляющих комментарии, тем ближе друг к другу находятся их картины мира» (Прудникова, 2010, с. 796), соответственно, тем больше человек в конкретный момент времени ощущает себя членом конструируемого здесь и сейчас морального и эмоционального сообщества, как бы имеющего право на практики осуждения и морального исключения.

Несмотря на ситуативность и мозаичность, вообразимость таких «микрообществ одного поста», о реальности высказываемых позиций их участников могут говорить систематически проявляющиеся схожие реакции (комментарии) на аналогичные стимулы (похожие по смыслу и интенциям дискурсивные события), предлагаемые автором постов.

При этом, как отмечает Е. Вежновец, цитируя М. Фуко: «комментарий предотвращает случайность дискурса тем, что... он позволяет высказать нечто иное, чем сам комментируемый текст, но лишь при условии, что будет сказан и в некотором роде осуществлен сам этот текст» (Вежновец, 2016). Таким образом, автор поста и комментатор имеют одинаково важные и одновременно разные позиции в конструировании и (вос)производстве морального и эмоционального сообщества.

Медиадискурс и конструирование эмоций

Ссылаясь на современных российских исследователей, К. А. Попова обращает внимание на усиление побудительного характера медиадискурса, его нацеленности на «оказание влияния, стимулирование и воодушевление адресата», стремления «не только отразить, но и переосмыслить окружающую реальность, оказывая непосредственное влияние на то, как адресат будет воспринимать предмет сообщения» (Попова, 2021, с. 24) как с точки зрения мыслительных процессов, так и эмоциональной сферы (с. 34) (ср. «эмоциональные практики» М. Шеер). Кажущаяся эмоциональная спонтанность адресата заранее сконструирована адресантом с целью задать определённый вектор его эмоционального восприятия. При этом информация здесь подвергается двойной субъективизации – сначала со стороны адресанта, который выражает собственную позицию по освещаемому вопросу, а затем со стороны

адресата, который информацию от адресанта вновь подвергает эмоциональной переоценке (с. 24).

Кроме того, К.А. Попова также отмечает, что часто «при обсуждении острых проблем комментарии приобретают аффективный характер, где помимо личного мнения пользователи часто репрезентируют общий настрой постоянных читателей ресурса» (с. 44) и аналогичных ему. Данное утверждение позволяет с большой долей достоверности экстраполировать выводы предпринятого исследования на соответствующее моральное и эмоциональное сообщество.

Моральное сообщество, «потомки палачей» и проект «Расследование КАРАГОДИНА»: эмпирическая часть

Эмпирическая часть данного исследования основана на анализе 2695 комментариев к 86 постам, опубликованным на странице «Denis Karagodin» (публикации групп) в FB¹ с 31 октября 2020 г. по 20 ноября 2021 г. («Denis Karagodin», 2021-2021). На данную страницу подписаны 2810 человек. На страницу сообщества «Память о ГУЛАГе / Remembering the GULAG», созданную членами общества «Мемориал»^{*2}, в которой была опубликована большая часть данных постов, на 23.12.21 было подписано 40.000 человек.

«Расследование КАРАГОДИНА» и «Мемориал»

Важно отметить, что Д. Карагодин и члены общества «Мемориал»^{*}, несмотря на кажущуюся общность главной идеи – необходимость юридического признания государством вины и ответственности за преступления прошлого/в прошлом, – имеют разное видение её реализации. Для «Мемориала» одна из ключевых задач – это сохранение памяти об эпохе политических репрессий, исследование, анализ, рефлексия исторического материала и помощь в поисках информации, мест расстрелов и пр. жертвам и «потомкам жертв», акцент на моральном измерении темы. Д. Карагодин ставит целью не сохранение памяти о целой эпохе, а реализацию конкретно взятого кейса с расстрелом своего прадеда: выявить всех причастных к этому преступлению и создать прецедент обвинительного судебного решения. «Расследование КАРАГОДИНА» сконцентрировано прежде всего на аргументированном/доказательном разоблачении «палачей», сбором достаточного количества убедительных материалов для удовлетворения его иска по всем «фигурантам» – то есть на строго юридическом измерении признания вины и ответственности государством в лице исполнителей незаконных/преступных решений.

Таким образом, «Мемориал» и «Расследование КАРАГОДИНА» работают в разных смысловых плоскостях: память о жертвах vs разоблачение палачей,

1 Социальная сеть, признанная в России принадлежащей экстремистской организации

2 Организация, признанная в России иностранным агентом и ликвидированная по решению Верховного Суда РФ

мораль vs право. Это приводит к некоторым столкновениям между данными акторами памяти: так, в одном из интервью Д. Карагодин говорит о сотрудниках «Мемориала» как «страдальцах-правозащитниках в сальных свитерах», с которыми он не имеет дело (хотя отмечает, что «первое, куда я пошел было, это в “Мемориал”»), так как занимается не репрессиями, а убийством человека (Герасименко, 2021). С другой стороны, сотрудники и сторонники «Мемориала» после публикации данного интервью с заголовком «В прокуратуре гораздо больше смысла, чем в “Мемориале”», прокомментировали это так: «мерзкое высказывание о “Мемориале”, «что за наезд на “Мемориал”?», «Что это вы так с Мемориалом?! Не ожидала от Вас, Денис!(((» (Комментарии, 2021).

Очень характерен комментарий М. Демиденко: «Дело Мемориала (Организация, признанная в России иностранным агентом и ликвидированная по решению Верховного Суда РФ – примечание редактора) не исключает дело Карагодина. И – наоборот. Я с самого начала слежу за Вашими расследованиями, по возможности поддерживаю деньгами. Я на Вашей стороне. Но с этим противопоставлением абсолютно не согласна» (Комментарии, 2021). С одной стороны, данное интервью сделало очевидной разницу позиций двух «дел», с другой – реакция на интервью проявила сложности «работы» морального сообщества, для которого «одно дело не исключает другого», а заявленное противопоставление вызывает смешанные чувства, словно требуя определиться, на чьей ты стороне, когда обе стороны воспринимаются как делающие одно дело.

О том, что оба актора апеллируют к одному и тому же «моральному сообществу», говорит тот факт, что с 2019 г. Д. Карагодин стал публиковать посты со страницы «Denis Karagodin» (публикации групп) на странице сообщества «Память о ГУЛАГе/Remembering the GULAG», созданную членами общества «Мемориал» (Организация, признанная в России иностранным агентом и ликвидированная по решению Верховного Суда РФ).

Это предварительное замечание было важно, чтобы понимать конфигурацию участников интернет-дискуссий, разворачивавшихся внутри морального сообщества по поводу постов Д. Карагодина в группе, созданной и администрируемой сотрудниками «Мемориала».

Посты и комментарии

Посты, которые набирали наибольшее количество комментариев, выглядели примерно так:

← → ↻ 📄 https://m.facebook.com/KARAGODINorg/posts/37915986709099637__cft_%5B0%5D=AZWHyU113W6JQBM_M-Og12Xj18P34Arjx3g-1ZDEamB3wQi9... 📌 🌟 🗑️ 👤

Расследование Карагодина
24 March 2021 г., 13:27 · 🌐

🔍 Продолжаем работать с нейросетями и фотографиями, разрабатываемых нами сотрудниками НКВД СССР.

🖼️ На восстановленном фото [массовая убийца, палач] – НОСКОВА (БИРЮКОВА) Екатерина Михайловна – сотрудник 8-го (учетного) отдела Управления НКВД по Новосибирской области СССР.

📄 Принимала активное (физическое) участие в массовых убийствах советских граждан на территории города Томска и Новосибирской области СССР в 1937-1938 годах.

👤 Член основной бригады палачей Томской тюрьмы №3 тюремного отдела Управления НКВД по Новосибирской области СССР (ныне – ФКУ СИЗО-1 г. Томска, УФСИН России по Томской области).

🔥 [!] 21 января 1938 года физически убила КАРАГОДИНА Степана Ивановича.

🏆 За массовые убийства советских граждан в 1937-1938 годах, награждена орденом.

Изначально – она 📄 учительница начальных классов.

Подробнее (больше фото): 📄 <https://karagodin.org/?p=38090>

👉 Поддержать: <https://karagodin.org/donate>

@KARAGODINorg

Рисунок 1 | Fig 1.

Анализ комментариев указанных материалов (реакции членов морального эмоционального сообщества) за указанный период времени, позволил сделать следующие наблюдения.

Сотрудники НКВД, фотографии и описания которых предъявляются в постах Д. Карагодина, вслед за автором осмысливаются комментаторами как палачи (186) и убийцы (204). Тем не менее, активные читатели расширяют репертуар характеристик: преступники (91), кровавые, кровожадные, кровопийцы (46), использующие пытки (27) жестокие (10) садисты (35), циничные (4) бандиты (17), злые (28) каратели (7), воры (19) и мародёры (3). «Расчеловечивающий» потенциал сущностных определений усиливается негативными оценочными характеристиками высокой степени интенсивности: мрази (27), мерзкие, мерзавцы (22), ублюдки (15), душегубы (11), сволочи (11), злодеи (6), подонки (3). «Противочеловеческая» направленность деятельности этих людей, кратко обрисованная Д. Карагодиным в публикациях и дополненная разного рода высказываниями комментаторов, вызывала эмоциональную реакцию страха (65), ужаса (45) и жутости (17).

«Страх» и его функция

Согласно К. Изарду, «конкретная эмоция побуждает человека к конкретной активности..., организует мышление и деятельность» (Изард, 2012, с. 56). Будучи стимулом наибольшей интенсивности (с. 100), эмоция страха (в пределе – ужаса и жутости (с. 601)¹) может вызывать как реакцию «оцепенения» (с. 605), так и «реакцию самозащиты (как вариант защиты – «устранение

1 Как пишет К. Изард, «эмоция страха сама по себе вызывает ужас» (Изард, 2012, с. 601).

воспринимаемой угрозы» (с. 192)) и стремление к бегству» (с. 39), поскольку «защита – это первоначальный ответ на боль или угрозу боли, на страх» (с. 89), причиной которого может быть наличие ситуации, в которой «под угрозу поставлено спокойствие или безопасность человека» (с. 602), в которой человек чувствует себя неуверенно (с. 603). Страх «сужает наше восприятие, заставляя видеть только пугающий объект или, быть может, только путь спасения от него» (с. 56), то есть «создаёт эффект «туннельного восприятия», существенно ограничивая восприятие, мышление, свободу выбора и свободу поведения человека (с. 645). К. Изард подчёркивает, что по мере нарастания страха человек испытывает все большую неуверенность в собственном благополучии, усиливается переживание им «абсолютной незащищенности и неуверенности в собственной безопасности» (с. 646) и вследствие этого он стремится к «поиску безопасной среды существования» (с. 655).

Внутренняя темпоральность комментариев, связанных с выражением страха, очень подвижна: активные читатели то замыкаются на прошлом, то делают акцент на настоящее, смешивая в одном минитексте формы прошлого и настоящего времени даже в характеристиках отдельных персонажей. Размытая темпоральность оказывается весьма симптоматичной, указывая на «продолжающееся прошлое в настоящем» и самим своим присутствием вызывающая страх – страх повторения.

Комментаторы писали: «знаю одно – время было страшное», «страшнее фашизма», «СССР страна страха и насилия» – «кровавый сталинский режим», «страшный лик сталинизма». Всматриваясь в лица представленных Д. Карагодиным в постах сотрудников НКВД, отмечали «ужасное», «жуткое», «страшное выражение лица», «страшные», «ужасные глаза», «холодный», «безжалостный», «страшный, жестокий взгляд», которые порождали страх у самих комментирующих от осознания того, что «таких было много» и «сейчас таких палачей не меньше, убивают не так часто, но будет приказ, и всё повторится», «порода этих якобы людей не переводится. И все они стремятся работать в силовых структурах» – «21 век... век-то новый а сущность человеческая прежняя», «таких сволочей и сейчас полно».

Особую тревогу у данного «эмоционального сообщества» вызывает наличие большого количества людей, «которые горят желанием восстановить СССР» и тем самым возвратит «кошмар репрессий, мифов и лжи», «повседневный нескончаемый ужас», где «новые устрашающие законы не дадут даже слова сказать».

Чувство нарастающей незащищённости и неуверенности в своей безопасности («глядя на эти «ожившие» лица невольно съезживаешься под их взглядами, ощущая себя беспомощным заключённым») побуждает людей реагировать – «искать безопасную среду существования», пытаясь заранее, до непосредственного столкновения с «болью» / «угрозой боли» (в широком смысле этого слова) распознать все потенциально опасные элементы – фактически, распо-

знать врага и применить к нему практики осуждения и морального исключения. Таким врагом оказывается собирательный образ сотрудника НКВД, воплотившийся в конкретных именах в проекте «Расследование КАРАГО-ДИНА», своими «наследниками» и наследием прорастающий в настоящее; своеобразный «неубитый мертвец», «живой мертвец», неожиданно быстро «оживающий» на фотографиях с помощью технологии нейросетей и обрастающий плотью наяву в своих «наследниках». В данном случае эта «сшивка» (Ушакин, 2014) прошлого и настоящего через соединение мёртвого и живого с помощью современных технологий побуждает искать метки, приметы, конструировать образ врага на негуманистической основе.

Образ «палача» и «демоническая дегуманизация»

Контент-анализ комментариев на предмет наличия характеристик, которые можно было трактовать как анималистическую и демоническую дегуманизацию образа «палача», дал общий результат более 400 ед., из которых оригинальные характеристики составили более 50 ед. Содержательный анализ позволил сделать следующие наблюдения.

«Нечеловечность» этих людей понимается комментирующими буквально через слово «нелюдь» (29), «нечеловеческая натура» (4), раскрываясь далее в перечислении ряда «инфернальных злонамеренных существ Нижнего мира» или «потустороннего» мира (2): от зверей (25), животных (6), скотины (6), к чудовищам (7), монстрам (7), упырям (24), гадам (14), вурдалакам (5), нежити (2) и далее – к чёрту (7), демонам (4), дьяволу (8) и сатане (4). Вместо лиц у этих существ – рожа (43), рыло (4), харя (5) или морда (18). Некоторые попытки объяснить их «нечеловечность» сводятся к тому, что их определяют как сумасшедших (4), безумных (7), душевнобольных (2), бешеных (1), дефективных (3), уродов (12), имеющих патологию (3) и не обладающих интеллектом тупых (12), дегенератов (4), деформированных (2) или недосформированных: от питекантропа (4) и неандертальца (4), ещё не достигших степени нормального человека – homo sapiens sapiens, затем «шарикова» (48) – зверя, искусственно перформатированного в (недо)человека и обратно, олицетворения «быдла» (2), до людоеда (14), маньяка (13) и «чикатилы» (15) – человека, потерявшего свою человеческую сущность и опустившегося обратно до зверя в смысле «недочеловека» (3).

Отталкиваясь от анималистической дегуманизации, демонизация вновь возвращается к ней – в сниженном образе таракана (3), гниды (3), мокрицы (1), гнили (6), плесени (1) – некоего простейшего существа, ничем не напоминающего человека и вызывающего исключительно брезгливость. Место, которое определяют таким существам – «гореть в аду» (34).

Перекодирование эмоций: страх, ненависть, гнев – действие

Как отмечает Л.В. Трубицына, «взрослые склонны к трансформированию страха в ненависть» (Трубицына, 2005, с. 63). С помощью механизма дегумани-

зации страх через ненависть далее трансформируется в гнев (он не артикулируется прямо, но считывается через риторику «расчеловечивания»). Согласно К. Изарду, «в ситуации гнева человек испытывает ...значительно более высокий уровень уверенности в себе, чем в любой другой эмоционально негативной ситуации. Ощущение физической силы и чувство уверенности в себе наполняют индивида смелостью и отвагой» (Изард, 2012, с. 517), «мобилизуют энергию, необходимую для самозащиты, придают индивиду ощущение силы и храбрости. Уверенность в себе и ощущение собственной силы стимулируют индивида отстаивать свои права, защищать себя как личность» (с. 546-547), то есть искать врага, находить его и бороться с ним. Можно предположить, что гнев в данном случае – это не спонтанная, а сконструированная Д. Карагодиным эмоциональная реакция читателей (формой, посылом, манерой подачи информации в постах и самим содержанием постов), используемая, в т.ч. достаточно инструменталистски: 1) с помощью гнева перекодировать страх и «оцепенение» в стремление действовать, отстаивая свои ценности, 2) делегировать «стремление действовать» Д. Карагодину через финансирование его проекта (например, на комментарий «УБИЙЦА» Д. Карагодин отвечает: «Да, мы знаем. Гнев можно направить в конструктивное русло – поддержки расследования [ссылка]», или на комментарии «Будь он проклят!», «Тварь» – «Предлагаю направить гнев в конструктивное русло – поддержать расследование [ссылка]»)

Сложность перекодирования гнева в действие связана с тем, что при более пристальном знакомстве и вглядывании в «оживлённые» портреты сотрудников и сотрудниц НКВД – палачей, преступников, убийц и садистов, «недочеловеков» – для комментаторов становится неприятным открытием, что «их лица не отличаются от лиц нормальных людей», «с виду нормальный человек», «так ничего по лицу не скажешь», «так вот прям и не подумаешь», «не было бы описания, ни за что бы ни догадался никто», «лицо как лицо. Представили бы его как лётчика камикадзе и вы бы отметили его целеустремленный пристальный взгляд, мужественный и самоотверженный; твёрдую складку губ», «вполне обычная наружность. Примерно как школьная училка и выглядит, а не как вампир или белокурая бестия», «смотришь на фотографию и не скажешь что палач», «сначала может показаться, что это жертва – лицо скорбное. Знать, по другой причине», «я в этих людях в метро не опознал бы “злодеев” как многие комментаторы», «вот каждый раз анализируя фото и читая соответствующее пояснение под ним особенно тщательно вглядываюсь в глаза... ничего я там не вижу. Приближаю, увеличиваю, – ничего. Этому дедушке, подошла бы подпись типа 'воспитатель яслей-сада 26', я бы поверил...».

Представители данного «морального и эмоционального сообщества» приходят к выводу: «часто внешность обманчива...», «они среди нас», «лица как лица. Никакой “печати зла” в них нет. Напишут герой – будет герой. Напишут

палач – будет палач. И что с этим делать неизвестно», «меня это тоже всегда волновало... понять невозможно», и иронично глубокое – «здесь главное в ходе проверки не выйти на самих себя», подчёркивающее «непредсказуемость распределения ролей, в том числе и себя лично в этой драме [повторения репрессивной политики – прим. Авт.]».

«Потомки палачей»

Ненадёжность внешних признаков для распознавания врага, с одной стороны, приводит к недоумению, растерянности и, как следствие, рассеиванию побудительной энергии эмоции гнева (на кого её направлять?), с другой – актуализирует «естественные» основания для идентификации врага – кровное родство с «палачами».

Смысловые нюансы дискурса о «потомках палачей» помогает обнаружить анализ мини-дискурсов под постами группы «Denis Karagodin» (публикации групп) в социальной сети Facebook^{1**} («Denis Karagodin», 2020-2021). Логика рассуждений выстраиваются следующим образом:

(1) кого считать потомками палачей? Понятия «наследия», «родства» и «преемственности» трактуются здесь расширительно:

– наследники как правящая политическая элита, унаследовавшая соответствующие методы осуществления своей власти («в России потомки палачей, небось, в Думе заседают», «внучки сейчас в депутатах» и т.д.);

– наследники как родственники власть имущих, имеющие недвижимость в России и за границей, а также высокое социальное положение благодаря наворованным деньгам и имуществу ещё их дедами;

– наследники как профессиональные продолжатели дела (сотрудники силовых ведомств, связанные или не связанные кровным родством с бывшими сотрудниками НКВД);

– наследники как кровные потомки (непосредственно дети, внуки, правнуки и родственники по боковым линиям: «Детей небось штуки 3. А потом дурацкие вопросы: "Откуда у нас такие люди"? Так вот "оттудова"», «потомки таких ходят рядом с нами...», «плохая наследственность, однако...»).

Выделенные категории могут накладываться друг на друга, как может накладываться «духовное родство» и кровное.

(2) вопрос об информации и информированности: кому и зачем нужно знать «палачей» и «потомков палачей» в лицо – «Знать и?» (ожидаемые мотивы и реакции с точки зрения «морального сообщества»):

– «потомкам палачей»:

а) осудить, символически разорвать связь с предком, покаяться и тем искупить вину = модель Юлии Зыряновой;

б) выказать солидарность с предком ради его символической защиты и физической защиты его данных = модель Сергея Матюшова. Эта модель изначально воспринимается как негативная модель: «от нас с вами тоже их

1 Социальная сеть, признанная в России принадлежащей экстремистской организации

потомки будут защищать!», «защищая свое имя, их потомки всегда будут защищать имя своих дедов», «...как говорят, кара божья достигнет седьмого поколения», «где оскорблённые внуки этой важной дамы?», «недовольны только пра и пра правнуки нквдшников...», «правнуки упряты покрывают своих прадедов- большевистских кровососов», «очередной внук или пра начнёт артачиться судом и прочим», «верещат их дети и внуки, видимо», «у палачей также есть дети и внуки и какая-то часть из них упорно не хочет признавать то, что совершали их родные деды».

– «потомкам жертв»:

а) осуществить акт восстановления юридической справедливости – подать иск и возбудить уголовное дело по алгоритму Д. Карагодина;

б) совершить акт (условного) возмездия – символической (физической) мести («и пусть родственники получат свою долю позора (без возмездия)», «надо создать базу с описанием их деяний, пусть потомки читают», «лица палачей надо восстановить как можно лучше, чтобы все, кто их знали как приличных людей, узнали кем они были на самом деле и могли (хотя бы мысленно) плюнуть им в лицо», «фамилии внуков надо просто обнародовать, чтобы им, как немцам, в 45-он м, не было комфортно, чтобы произошло казнение, очищение, катарсис»)» и т.д.;

– обществу:

а) осуществить «назидание» для современных сотрудников силовых структур для предупреждения рецидивов репрессивной политики («чтобы сегодняшние не люди знали, что все преступления против людей будут выявлены и они будут прокляты потомками!!!! Дабы это не повторилось!!!!», «если бы ублюдки знали, что их и из могилы достанут, что их потомки будут покрыты несмываемым позором, не думаю, что преступления против человечности совершались бы с такой легкостью») и т.д.

(3) вопрос об ответственности «потомков палачей» за деяния их предков:

а) о наличии ответственности:

– потомки несут полную ответственность;

– потомки не несут никакой ответственности («их за что? Они что виноваты?», «как внук может быть виновен за дела его деда?», «юридически внуки нет», «потомки то при чём», «сын за отца не отвечает», «дети не отвечают за родителей...», «они то не причём до тех событий в которых их деды и прадеды участвовали», «нельзя внуков преступников порицать и наказывать за грехи дедов, ломая им жизнь», «потомки злодея могут быть самыми разными и самыми лучшими людьми. Дети за родителей не отвечают», «а вдруг внуки нормальные люди!? Уж они-то не виноваты в грехах предков», «а о внуках – напрасно. Внуки за дедов не отвечают», «внуки точно ничего не должны никому. Каким макаром они могут отвечать за бабушку?», «они ничего никому не должны..они их не выбрали..и долга у них нет..»,

«да, мы не выбираем себе родных и не несём ответственности за поступки, которые совершали наши родные»);

б) о характере ответственности «палачей» и «потомков палачей» как некоей общей категории:

– юридическая (суд, Нюрнберг: «нет, не для ответственности потомков, для суда. В том числе, надеюсь, над тотальным государством»);

– политическая (вопрос о современной политической элите);

– мистическая (карма: «непроизвольно думаю, какую же страшную карму наложили эти каты на свой собственный род?!», «у потомков беда с кармой. Ее надо лечить, а она ... не лечится», «Алло, потомки! Как с кармой дела?»);

в) о персональной ответственности для «потомков палачей» («надо разбираться с каждым палачом и его наследниками индивидуально. Но надо! Во имя отмщения и справедливости»):

– моральная ответственность (публично признать аморальность своего предка: «Это замечательно, если внуки видят и осознают цену подлости своих предков», «не отвечать по суду, а дать оценку происходившему, в котором участвовал предок. И если, не дай Бог, он был палач или стукач, что подтверждается документами, честно обозначить свое отношение к его деяниям, а не петь песни о комиссарах в пыльных шлемах» и т.д.);

– духовно-практическая (публично покаяться за кровное родство с предком: «если внуки опознают бабушку, они должны молиться и стараться искупить грех предков. Это их долг», «а честные потомки имеют право на раскаяние и искупление, если к ним перешло нажитое несправедным путем, награбленное, чужие семейные ценности»; «грех отмаливать потомкам», «добрыми делами и молитвой. А вот удасться ли это, мы не знаем. Во всяком случае, пусть хоть постараются», «если у них остались чувства к семье, они могут молиться за их грехи», «что до молитв, то никто не может сверху заставить молиться. Если душевная потребность – молись... Я бы на их месте молилась»);

– материальная (вернуть/компенсировать имущество/ценности «потомкам жертв» тех репрессий, в которых участвовал предок «потомка палача» и по итогам которых имел материальную выгоду через изъятые у репрессированных имущество и ценности);

– физическая – заплатить собственной жизнью («кровью») за деяния своего предка («надо дать потомкам расстрелянных оружие и сказать где живут потомки палачей», «хорошо бы его внуков потретировать за такого хмыря...», «кровные узы, связь. Наследники даже по закону отвечают за долги наследодателя А тут столько крови и всё» и т.д.).

Внутренние дилеммы дискурса вокруг «потомков палачей»

Разные аспекты, взятые сами по себе, можно оценивать по-разному. Мы остановимся на тех сложностях и нюансах, которые проявляются, когда разно-

образные версии совмещения указанных аспектов порождают/вскрывают внутренние противоречия, коллизии и вопросы, в том числе этического характера.

Информация и информированность

Во-первых, вопрос об информации и информированности «потомков палачей» о деяниях своих предков наталкиваются на возражение – «а они может и не знают ничего?» А. Антонов, сам «потомок палача», в интервью Д. Волчеку утверждает: «дети советских чекистов, за редким исключением, до недавнего времени знать не знали и ведать не ведали о “подвигах” того или иного своего прародителя. Всю жизнь они жили воспоминаниями о любящем папе, который качал их на руках» (Волчек, 2018), ссылаясь в том числе на историю Агаты Опирхал (Волчек, 2017).

Коллизия заключается в том, что вариант «разрыва и покаяния» подразумевает (с точки зрения морального сообщества) символический разрыв связи с предком как родственником, а вариант «преемственности и защиты» осмысливается как выражение лояльности и солидарности с предком как должностным лицом, совершавшим преступления, солидарность с «палачом, преступником и убийцей». То есть варианты не симметричны и ограничивают возможность публичного высказывания «потомков палачей», которые *не знали*, потом *узнали* и теперь не знают, что с этим знанием делать – «честных потомков», которые испытывают более многообразную палитру эмоций, чем только предписываемые и одобряемые «моральным сообществом» вина, стыд и покаяние.

Право на чувства

Отсюда вытекает следующий немаловажный вопрос – имеют ли право честные «потомки палачей» на чувства и эмоциональную привязанность к своим предкам, то есть имеют ли право любить и признавать своих предков как родственников (родню, родных людей), если эти родственники были преступниками/выполняли преступные приказы по своей профессиональной деятельности? Признают ли «потомки жертв» и соответствующее моральное эмоциональное сообщество право за «потомками палачей» чувствовать к своим предкам любовь и/или любые подобные позитивные чувства? Позволит ли данное моральное сообщество «потомкам палачей» отделить в своих предках и публично манифестировать, с одной стороны, осуждение в отношении их профессии / должности / публичной ипостаси, а с другой – принятие в качестве любящего и любимого отца / деда / прадеда? Как отмечает А. Антонов, «память о предках, прародителях – это святое, какими бы они ни были: добрыми или негодными, любящими или безразличными. Это часть истории семьи. Но есть история жизни самого человека, состоящая из его собственных поступков...» (Волчек, 2018), за которые несёт ответственность он сам, а не его потомки.

Таким образом, спектр возможных альтернатив публичного высказывания «потомков палачей» кроме «разрыва и покаяния» и «преемственности и защиты» может быть продуктивно дополнен вариантом «преемственность и осуждение», что даст возможность честным «потомкам палачей», которые «знать не знали» и вдруг узнали – обрести голос в публичном пространстве, «терапевтически проговорить» свои переживания, со своей стороны «свидетельствовать» (в смысле, предложенном А. Ассман) о том, что это были такие же люди – «вполне обычной наружности», с «лицами обычных людей», в которых «никогда не опознал бы злодея».

Преемственность по крови

Острым вопросом, тесно связанным с предыдущими, является также вопрос о преемственности как генетическом наследовании черт родителей. В рамках дискурса ненависти в отношении палачей и конструирования их образа с помощью механизма анималистической и демонической дегуманизации, автоматически – в силу кровного родства – дегуманизации подвергаются и «потомки палачей».

Комментарии активных читателей по запросу на информацию и информированность позволяют проследить незаметную трансформацию смыслов: «потомки должны знать о кровавых деяниях предков», «пусть станут известны их имена!», «нужно установить имена всех причастных к преступлениям», «всех поименно распознать, хоть и сто лет уйдёт: потомки должны знать, из каких корней вышли», «этих нелюдей всех должны знать в лицо!!!», «страна должна знать своих "героев"», «страна должна знать убийцу», «палачей надо знать в лицо!», «родственники палачей должны знать, кто из родных участвовал в преступлениях!» «вывести на свет монстров и сохранить о них память для потомков», «вывешивать публично на общее обозрение ФИО, этих негодяев, чтоб дети и внуки помнили своих ублюдских дедов», «чтобы пра- пра-правнуки знали» (высказывания касаются самих «палачей») – «а своих потомков имеет...», «у неё есть потомки, хорошо бы знать кто они», «а кто ее потомки? Ведь живут же где-то, почему бы не рассказать где, кто они!», «лучше бы потомков его нашли и их фото выставили с данными», «вы считаете нормальным когда с вами рядом живет семья убийцы?» (высказывания касаются «потомков палачей»).

В такой логике характеристики «нелюди», «убийцы», «негодяи» и т.д. автоматически предписываются «потомкам палачей», в т.ч. – «честным потомкам», потенциально угрожая их эмоциональной и физической безопасности. Так, на вопрос, адресованный Д. Карагодину: «скажите, зачем вы подробно, с координатами, сообщаете место их [палачей – прим. авт.] погребения? В этом какая цель?» ответ формулируют сами читатели – «надо дать потомкам расстрелянных оружие и сказать где живут потомки палачей», «хорошо бы его внуков потретировать за такого хмыря...», аккумуля-

лирующая в себе темы персональной материальной ответственности и физической мести: «а ничего, что его за счет крови убитых вырастили в итоге?», «деткам и внучкам осталось добро награбленное у невинных? Подавились бы они!», «потомки остальных участников этой вакханалии прекрасно живут. Выступают по телевидению в прекрасных интерьерах своих ворованных, и набитых ворованным, квартир», «они живут в квартирах этих своих отцов. А квартиры эти в городах и на курортах! А народ выслали в Сибирь, на Урал и Среднюю Азию», «потомки, небось, в Томске живут как ни в чем не бывало, да и должности наверное неплохие имеют», «за внуков не переживайте, они все на местах, преемственность поколений». Предполагаемая ответственности по кровному родству, усиленная механизмом анималистической и демонической дегуманизации, словно оправдывает логику: эти – «палачи» – наказание заслужили, а этих – «потомков палачей» – не жалко, так как они такие же и не могут быть другими.

Н. Эппле замечает по этому поводу: логика «если мой дед расстреливал людей, то я либо сам хочу расстреливать людей, либо считаю, что это хорошо и правильно, просто потому, что во мне течет кровь моего деда... это отчетливо мифологическая логика, так это точно не работает» (Козелев, 2021), – оказывается убедительной не для всех внутри морального сообщества.

Заключение

Данное исследование показывает, что дискурс вокруг «потомков палачей» в пространстве памяти об эпохе политических репрессий имеет высокий уровень эмоциональной заряженности. Моральное сообщество, сложившееся вокруг жертв и «потомков жертв» репрессий, не всегда готово к восприятию и принятию сложного спектра чувств и переживаний «потомков палачей» в отношении своих предков, предписывая им достаточно жёсткие и ограниченные сценарии приемлемых и неприемлемых реакций.

Можно предположить, что в условиях анималистической и демонической дегуманизации «палачей», их потомки (прежде всего, «честные потомки») в большинстве своём будут бояться обнаружить себя, высказываться в публичном пространстве, «свидетельствовать» – особенно, если их отношение к предку не будет вписываться в социально одобряемую модель «разрыв и осуждение».

Также можно отметить, что проведённое исследование позволяет зафиксировать своеобразную инверсию страха: страх живущих сегодня членов морального сообщества по отношению к умершим «палачам» перетекает в страх живущих сегодня «потомков палачей» (прежде всего, «честных потомков») по отношению к этому моральному сообществу. И всех вместе – к «духовным наследникам палачей» сегодня.

Таким образом, несмотря на то, что в 2016 г. была предпринята серьёзная попытка разрыва процесса «продления забвения», в целом подхваченная

«честными потомками», усиление огосударствления политики памяти об эпохе политических репрессий и связанное с этим усиление поляризации и радикализации темы «потомков палачей» в дискурсе памяти об эпохе политических репрессий вновь затрудняет достижение «симметричной памяти» и преодоление этого трудного прошлого.

Список литературы

- Акт гражданского согласия и примирения. (2016). <https://karagodin.org/?p=11119>
- Ассман, А. (2014). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Новое Литературное Обозрение.
- Буллер, А., & Линченко, А. А. (2015). Простить? О феномене исторического непростения и непреклонной памяти. *Вопросы Философии*, 11, 50–59.
- Вежновец, Е. А. (2016). Комментарии в социальных сетях: Производство и воспроизводство интернет-дискурса. *Современный дискурс-анализ*, 2, 35–58.
- Волчек, Д. (2016, июнь 18). *Произошло убийство*. Радио Свобода***. <https://www.svoboda.org/a/27803161.html>
- Волчек, Д. (2017, март 18). *«Ваши прадед – массовый убийца»*. Радио Свобода***. <https://www.svoboda.org/a/28375447.html>
- Волчек, Д. (2018, март 17). *«Мы тычем палкой в пасть зверя»*. Разговор с правнуком чекиста. Радио Свобода***. <https://www.svoboda.org/a/29101852.html>
- Герасименко, О. (2021, май 4). *«В прокуратуре гораздо больше смысла, чем в “Мемориале”**». Как Денис Карагодин ищет правду о казни прадеда. Русская служба BBC. <https://www.bbc.com/russian/features-57089858>
- Горин, В. (2021, март 6). *Карагодин наносит ответный удар*. Медуза***. <https://karagodin.org/?p=37801>
- Горошко, Е. И. (2012). *Современные интернет-коммуникации: Структура и основные характеристики*. В *Интернет-коммуникация как новая речевая формация* (с. 9–52). Флинта, Наука.
- Дорман, В. (2010). От Соловков до Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России. *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*, 2, 327–347.
- Изард, К. Э. (2012). *Психология эмоций*. Питер.
- Колезев, Д. (2021, декабрь 3). *Травма сталинизма. Как память о Большом терроре влияет на власть и общество в современной России*. Разговор с Николаем Эпл. Republic***. <https://republic.ru/posts/102498>
- Комментарии к посту в группе «Расследование КАРАГОДИНА»*. (2021, май 14). Facebook**. <https://www.facebook.com/KARAGODINorg/posts/3944646352271860>
- Курилла, И. (2016). *Назовите имена палачей. Как в России возрождается память о прошлом*. Расследование КАРАГОДИНА. <https://karagodin.org/?p=7617>

- Лушников, Д. А. (2018). Дегуманизация и демонизация как механизмы формирования образа врага в кампаниях по негативному информационному воздействию. Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура, 5, 116–122.
- «Они перешли политическую грань». Сын сотрудника НКВД – о том, почему написал заявление на расследователя репрессий. (2021). <https://vot-tak.tv/novosti/03-03-2021-son-nkvd-oppression/>
- Плампер, Я. (2018). История эмоций. Новое литературное обозрение.
- Пономарёва, А. (2016, ноябрь 23). Найти палачей, простить потомков. Радио свобода***. <https://www.svoboda.org/a/28134691.html>
- Прудникова, Ю. И. (2010). Комментарий как инструмент отображения языковой картины мира. Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 12(5–3), 793–797.
- «Расследование КАРАГОДИНА» (Расследование в отношении судьбы КАРАГОДИНА Степана Ивановича – родился в 1881 году, убит сотрудниками НКВД СССР 21 января 1938 года). (2012). <https://karagodin.org/>
- Рыжкина, Н., & Лютова, Е. (2021, март 4). «Мой отец не палач, у него – награды!»: Сын сотрудника НКВД написал заявление на правнука расстрелянного сибиряка. Московский комсомолец. <https://www.nsk.kp.ru/daily/27247/4376858/>
- Сын сотрудника НКВД обвинил нас в дискредитации имени своего отца. (2021, март 3). Расследование КАРАГОДИН. <https://karagodin.org/?p=37706>
- Трубицына, Л. В. (2005). Процесс травмы. Смысл; ЧеРо.
- Ушакин, С. (2014, ноябрь 14). Вспоминая на публике: Об аффективном менеджменте истории. Память, вытравившая из времени: Российские официальные конструкции памяти. ГЕФТЕР. <http://gefter.ru/archive/13513>
- Фурсов, К. К. (2015). Дискурс вражды: Понятие и современные практики. Дискурс-Пи, 1, 25–30.
- Эппле, Н. (2021). Неудобное прошлое о государственных преступлениях в России и других странах. Новое литературное обозрение.
- “Denis Karagodin” (публикации групп), группа в социальной сети Facebook**. (2020–2021). <https://www.facebook.com/groups/112567742111900/user/587106474>.

* Организация, признанная в России иностранным агентом и ликвидированная по решению Верховного Суда РФ

** Социальная сеть, признанная в России принадлежащей экстремистской организации.

*** СМИ, признанное в России иностранным агентом.

References

- “Denis Karagodin” (group publications), Facebook group**. (2020–2021). <https://www.facebook.com/groups/112567742111900/user/587106474> (In Russian)
- “The KARAGODIN Inquiry” (Investigation into the fate of Stepan Ivanovich KARAGODIN – born 1881, murdered by the NKVD on 21 January 1938). (2012). <https://karagodin.org/> (In Russian)

- “They crossed a political line”. Son of NKVD officer - on why he wrote a statement against the repression investigator. (2021). <https://vot-tak.tv/novosti/03-03-2021-son-nkvd-oppresion/> (In Russian)
- An act of civil concord and reconciliation. (2016). <https://karagodin.org/?p=11119> (In Russian)
- Assmann, A. (2014). *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics*. New Literary Review. (In Russian)
- Buller, A., & Linchenko, A. A. (2015). Forgiveness? On the phenomenon of historical unforgiveness and intransigent memory. *Philosophy questions*, 11, 50–59. (In Russian)
- Comments on the post in the CARAGODIN Investigation group. (2021, May 14). Facebook**. <https://www.facebook.com/KARAGODINorg/posts/3944646352271860> (In Russian)
- Dorman, V. (2010). From Solovki to Butovo: The Russian Orthodox Church and the Memory of Soviet Repression in Post-Soviet Russia. *Laboratorium: Journal of Social Research*, 2, 327–347. (In Russian)
- Epple, N. (2021). *An inconvenient past of state crimes in Russia and elsewhere*. New Literary Review. (In Russian)
- Fursov, K. K. (2015). Enmity discourse: Concept and contemporary practices. *Discourse-Pi*, 1, 25–30. (In Russian)
- Gerasimenko, O. (2021, May 4). “The prosecutor’s office makes a lot more sense than Memorial*”. As Denis Karagodin searches for the truth about his great-grandfather’s execution. BBC Russian Service. <https://www.bbc.com/russian/features-57089858> (In Russian)
- Gorin, V. (2021, March 6). Karagodin strikes back. Meduza***. <https://karagodin.org/?p=37801> (In Russian)
- Goroshko, E. I. (2012). Modern Internet Communications: Structure and Main Characteristics. In *Internet communication as a new speech formation* (pp. 9–52). Flinta, Nauka. (In Russian)
- Izard, C. E. (2012). *The psychology of emotions*. Piter. (In Russian)
- Kolezev, D. (2021, December 3). *The trauma of Stalinism. How the memory of the Great Terror affects power and society in contemporary Russia. A conversation with Nikolai Apple*. Republic***. <https://republic.ru/posts/102498> (In Russian)
- Kurilla, E. (2016). *Name the executioners. How the memory of the past is being revived in Russia*. KARAGODIN Investigation. <https://karagodin.org/?p=7617> (In Russian)
- Lushnikov, D. A. (2018). Dehumanization and demonization as mechanisms of enemy image formation in negative information campaigns. *Poisk: Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture*, 5, 116–122. (In Russian)
- Plumper, J. (2018). *A history of emotion*. New Literary Review. (In Russian)
- Ponomariova, A. (2016, November 23). *Find the executioners, forgive the descendants*. Radio Svoboda***. <https://www.svoboda.org/a/28134691.html> (In Russian)
- Prudnikova, Y. I. (2010). Commentary as a tool to reflect the language picture of the world. *Izvestia of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences*, 12(5–3), 793–797. (In Russian)
- Ryzhkina, N., & Lyutova, E. (2021, March 4). “My father is not an executioner, he has awards!”: Son of NKVD officer writes statement against great-grandson of executed Siberian. *Moskovsky Komsomolets*. <https://www.nsk.kp.ru/daily/27247/4376858/> (In Russian)

- Son of NKVD officer accused us of discrediting his father's name. (2021, March 3). KARAGODIN Investigation. <https://karagodin.org/?p=37706> (In Russian)
- Trubitsyna, L. V. (2005). *The trauma process*. Smysl; CheRo. (In Russian)
- Ushakin, S. (2014, November 14). *Remembering in Public: On the Affective Management of History. Memory that has fallen out of time: Russia's official constructions of memory*. GEFTER. <http://gefeter.ru/archive/13513> (In Russian)
- Vezhnovets, E. A. (2016). Commentary in Social Networks: The Production and Reproduction of Internet Discourse. *Modern discourse analysis*, 2, 35–58. (In Russian)
- Volchek, D. (2016, June 18). *There has been a murder*. Radio Svoboda***. <https://www.svoboda.org/a/27803161.html> (In Russian)
- Volchek, D. (2017, March 18). “Your great-grandfather was a mass murderer”. Radio Svoboda***. <https://www.svoboda.org/a/28375447.html> (In Russian)
- Volchek, D. (2018, March 17). “We poke a stick into the mouth of the beast”. *A conversation with the great-grandson of a Chekist*. Radio Svoboda***. <https://www.svoboda.org/a/29101852.html> (In Russian)

*An organization recognized in Russia as a foreign agent and liquidated by decision of the Supreme Courts of the Russian Federation

** A social network recognized in Russia as belonging to an extremist organization.

*** Mass media recognized in Russia as a foreign agent.